УДК 323.2(470+571)

СЕЛИВАНОВА Е.С.

Теоретико-методологический концепт гражданского общества М. Вейгл в рамках либерального проекта для России

Данная статья – попытка осмыслить определенный аспект теоретического наследия американской исследовательницы, профессора Пенсильванского университета Марсии А. Вейгл и ввести в общественно-политический дискурс весьма интересный взгляд зарубежного исследователя на истоки, судьбу и периодизацию гражданского общества перестроечного и посткоммунистического периода.

Ключевые слова: гражданское общество, либеральный проект.

И в прикладном, и в теоретическом аспектах концепт гражданского общества в трудах отечественных и зарубежных мыслителей изучен, казалось бы, в полной мере. Однако до сих пор, по крайней мере применительно к российской специфике, повышен градус дискуссионности в подходах к его периодизации, истокам, степени «политизированности», институционализации и перспективам развития. И в данном отношении представляется весьма целостным и оригинальным ракурс исследования американского политолога Марсии Вейгл. В ее работе *«Российский либеральный проект: государственно-общественные отношения в процессе перехода от коммунизма»*, не получившей пока широкого распространения в российском общественно-политологическом дискурсе, содержится весьма интересный взгляд на теоретико-методологический концепт гражданского общества перестроечного и постперестроечного этапа его развития. Примечательно, что параллель между лидерами гражданских инициатив перестроечного и постперестроечного периода и современными гражданскими активистами становится все более осязаемой, а процессы развития институтов гражданского общества, перейдя на качественно иной уровень в период «нулевых годов», получили новый виток развития в период выборных кампаний 2011–2012 годов. В силу этого перевод и изучение данного труда американского исследователя представляются особенно актуальными.

В теоретическом наследии американской исследовательницы Марсии А. Вейгл, профессора Пенсильванского университета, авторитетно и уверенно стоящей на позициях либерализма, наибольшую популярность и академическое признание получили две работы. Одна из них представляет собой коллективную монографию *«Люди, власть и политика (политики)»*, адресованную студентам общественно-политологического профиля. Работа имеет обзорный характер, выдержана в строгом академическом ключе и посвящена вопросам классической политической теории и современной политологии. Значительно более масштабная работа М. Вейгл – фундаментальная монография *«Российский либе-*

ральный проект: государственно-общественные отношения в процессе перехода от коммунизма»[1] *(«Russia's liberal project: state-society relations in the Transition from Communism»)*, выпущена в издательстве Пенсильванского государственного университета в 2000 году. Именно этот труд можно по праву считать сердцевиной теоретического наследия американского профессора и знаковым моментом в осмыслении перестроечного и постперестроечного этапа развития гражданского общества в советской и постсоветской России.

В своем труде Марсия Вейгл взглядом стороннего исследователя, вовлеченного в эпицентр событий трансформаций государственной общественно-политической системы, рассматривает гражданское общество, политическое общество, государство и цементирующую эти категории политическую культуру сквозь трафарет либерального проекта в качестве его основополагающих слагаемых. Как отмечается на странице 27 во введении к первой главе, «каждый компонент либерального проекта рассматривается с точки зрения его развития в литературе и в контексте конкретных проблем, возникающих со становлением посткоммунистической России»[2]. Анализ каждого из четырех компонентов позволяет автору понять, как комплекс событий, связанный с трансформационным переходом России от коммунизма, переплелся в запутанную сеть либерального проекта общественно-государственных отношений. Именно изучение гражданского общества, по мнению исследователя, позволяет объяснить динамику перехода от коммунизма к посткоммунизму в России и, что примечательно, успех или провал попытки укоренения либеральной демократии. Гражданское общество при этом рассматривается не как этический идеал или политический слоган, но в качестве *«арены социальной самоорганизации»*[3]. Исследователь выделяет три стадии его развития: зарождающееся гражданское общество периода правления М. Горбачева, демобилизация гражданского общества (1989–1992), ремобилизация и институционализация гражданского общества (постсоветское время). Следует отметить, что основанием данной периодизации могло служить изучение автором событий переломного для Советского Союза 1991 года. Именно в этом году Марсия Вейгл, по ее словам, столкнулась с «невероятным потоком информации» непосредственно на территории исследуемого объекта. При этом предложенная периодизация хронологически завершается первой половиной 90-х годов. Соответственно в рассматриваемом исследовании, увидевшем свет в 2000-м году, не нашли отражения события и тенденции, характерные для российского «третьего сектора» первого десятилетия XXI века, развивающегося отнюдь не в рамках либеральной модели.

Выделяя и анализируя этапы развития гражданского общества, М.А. Вейгл ставит вопросы относительно того, до какой степени зарождающееся гражданское общество было способно реализовать транзит от коммунистического режима к независимой России и какова вероятность того, что в посткоммунистической России оно сможет стать основой либеральной демократии. Автор не оставляет без внимания и вопрос о том, какие выгоды в этом отношении могли быть получены «за годы независимой России, возродившейся из пепла Советского Союза»[4].

При этом автор «Российского либерального проекта» проводит ватерлинию между гражданским обществом, возникающим при репрессивном режиме и в рамках консолидированной либеральной демократии, квалифицируя первое как зарождающееся, а второе как институциональное. Последнее при этом предполагает *«самоорганизацию общества в публичной сфере, ограниченную набором общих норм, в результате которого отдельные лица и группы преследуют личные или коллективные интересы в свободно учрежденных организациях в контексте верховенства закона, регулирующего взаимодействие и интересы посредников»*[5]. Именно в таком (институционализированном) варианте гражданское общество обеспечивает постоянную свободную площадку для выражения и ретрансляции интересов, предполагая легитимность множественности интересов в обществе.

Следует подчеркнуть, что введенное американской исследовательницей в на-

учный оборот определение понятия гражданского общества концептуально дополняется ***тремя ключевыми тезисами***. Согласно первому из них, *«условия для успешной попытки свержения деспотических режимов зарождающимся гражданским обществом значительно отличаются от условий, необходимых для консолидации гражданского общества в условиях либеральной демократии»*[6]. Данное утверждение находится на позициях защиты мощных независимых движений, возникших «с целью подрыва коммунистических режимов», а также обращает наше внимание на роль коллективной идентичности. По мнению американской исследовательницы, именно коллективная идентичность по принципу «угнетенный народ» или «угнетенная нация», являясь элементом солидарности, заменяет плюрализм интересов как источник независимых объединений в пределах угнетающего государства.

В этом отношении доминирование конфликта интересов рассматривается в качестве угрозы способности общества противодействовать режиму угнетения. Причем необходимость такой способности общества автором не ставится под сомнение. Заметим, что в работах отечественных региональных исследователей зачастую встречается иной ракурс. Так, к примеру, А.В. Дахин полагает, что система власти в России с 1985 г. находится в процессе перехода от модели «одноклеточного» политического организма «народа» и «власти» к модели, предполагающей выделение института государства в качестве самостоятельного политического актора в системе политических отношений с институтами гражданского общества[7].

Возвращаясь к работе М. Вейгл, подчеркнем опасения исследователя по поводу трансформации социальной солидарности в реформирующихся коммунистических режимах. Отмечая ее необходимость для активизации фундаментальных прав и свобод, служащих импульсом запуска механизма артикуляции интересов и разрешения конфликтов, социальная солидарность может принять форму «религиозного фундаментализма, национализма, классового партикуляризма или этнической исключительности»[8], что, в свою очередь, может обеспечить подрыв рациональной оценки дифференцированных по своей природе интересов и привести только к антилиберальным результатам, априори оцениваемым исследователем скорее в негативном ключе.

В данном отношении представляется достаточно дискуссионным вопрос относительно того, насколько «либерализированный» вариант концепта гражданского общества жизнеспособен в российских условиях, почему именно либеральный режим может служить основой построения эффективного институционализированного гражданского общества и насколько действен «набор общих норм» в публичной сфере. Следует подчеркнуть, что исследователь, предвосхищая, отводит ему значимую роль ограничителя разрушительного потенциала плюрализма.

Акцентируя внимание на соотнесении гражданского общества с публичной сферой, Марсия Вейгл отмечает, что индивидуальная и групповая деятельность в гражданском обществе предполагает взаимодействие с сетью общественных организаций и каналами коммуникации, управляемыми и защищаемыми законом и институтами. При этом акторы гражданского общества требуют автономности от государства, принимая его организационные и правовые ограничения.

Следует отметить, что в отношениях партии–государства и некоторых социальных групп населения американская исследовательница занимает достаточно спорную позицию, отводя в рамках зарождающегося гражданского общества роль оппозиционеров рабочим, в то время как большинство российских экспертов небезосновательно отдают эту роль интеллигенции, довольно активно проявляющей себя в период гласности. Заметим, что некоторые российские исследователи, оценивая концепцию М. Вейгл весьма продуманной, расходятся с ней в оценках рабочего класса, которому автор предписывает моральную и физическую деградацию[9], относя его, как уже отмечалось, к рядам оппозиции партийно-государственной власти.

Вместе с тем дихотомия отношений государства и гражданского общества на этапе зарождающегося гражданского общества в Советской России квалифицируется американским профессором как первые попытки отдельных лиц и групп организоваться в независимые ассоциации, стремящиеся создать независимую публичную сферу. Не заостряя внимание на корректности перевода номинации «зарождающееся» гражданское общество, позволим отметить спорность момента в характеристике «первые попытки» по отношению к самоорганизации граждан, поскольку такие попытки были весьма успешными еще в дореволюционной России.

Об этом, к примеру, свидетельствует опыт функционирования неполитического института земств, не участвовавшего в государственной политике, но вырастившего не одного думского политического деятеля. Сфера деятельности земств охватывала «вопросы местного хозяйства и финансов, торговлю и промышленность, образование, строительство, судебное производство, поддержание общественного порядка и медицинскую помощь населению»[10]. В XX веке были уникальные практики как до 1917 года, так и в 20-е гг. с появлением в общественном дискурсе понятия так называемой социалистической демократии. В 1959 году и вовсе отмечалось движение самоорганизации общественности, отличавшееся особой активностью на Урале и в Ленинграде. Тогда же специальным постановлением от 2 марта «Об участии трудящихся в охране общественного порядка» было создано «юридическое основание разнообразных общественных форм самоорганизации для поддержания общественного порядка»[11]. Таким образом, концепт гражданского общества достаточно трудно считать совершенно инородным элементом в богатой общественно-политической традиции России.

В любом случае не исключено, что оценка зарубежного исследователя зарождающейся активности самоорганизации граждан стала предпосылкой появления такого этапа в авторской концепции развития гражданского общества, а также дала возможность утверждать, что «зарождающееся гражданское общество, возникшее в период правления Горбачева в конце 1980-х годов, не могло быть институционализировано в контексте однопартийного коммунистического государства»[12].

Второй значимый для отечественного общественно-политического дискурса ***тезис*** М. Вейгл обращает наше внимание на то, что *«зарождающееся гражданское общество не могло быть институционализировано, поскольку оно сосуществовало с государством, лидеры которого не стремились узаконивать завоевания активистов гражданского общества. Несмотря на то, что зарождающееся гражданское общество может возникнуть в рамках авторитарного или посттоталитарного государства, оно не сможет сделать следующий шаг к институционализации, если государство не пожелает поступиться своей властью в пользу легитимации субъектов гражданского общества»*. Принимая либерализированный вариант развития российского гражданского общества по М. Вейгл, заметим, что трансформации российской политической системы к 2000-м годам привели к авторитарному режиму, при котором институты гражданского общества получили новый вектор развития, обозначившийся формированием общественно-государственных «посреднических» организаций как на федеральном, так и на региональном уровнях (речь идет о создании общественных палат и общественных советов).

Отдавая на откуп мобилизации зарождающегося гражданского общества гибель коммунистического режима, американская исследовательница некоммерческого сектора приводит в своем труде и формы, используемые зарождающимся гражданским обществом в целях ускорения распада авторитарного и коммунистического режима. Таким образом, по М. Вейгл, оппозиция гражданского общества принимает следующие формы: *«организованные группы или движения зарождающегося гражданского общества способны производить альтернативы режиму и могут вести переговоры с представителями режима относительно условий трансформации; группы гражданского общества мо-*

гут мобилизовать избирателей во время «критических» или «ключевых» выборов; группы могут организовать акции протеста и митинги, в то время как элита ведет переговоры по ускорению демократизации реформ»[13]. Отмечая логическую обоснованность и целостность взгляда М. Вейгл применительно к возможным формам организации граждан, обратим внимание на подход автора, согласно которому они играют исключительно оппозиционную государству роль. Возможно, немаловажным будет дальнейшее рассмотрение вопроса относительно того, может ли только оппозиция коммунистическому режиму быть элементом зарождающегося гражданского общества. Не исключено, что социально-экономический фактор для инициативных структур граждан будет также немаловажен. Отметим, что профессор Пенсильванского университета в своей работе рассматривает с весьма интересного ракурса этот фактор, который, по нашему мнению, следует отнести к третьему значимому тезису о концепте гражданского общества.

Соласно ***третьему тезису***, «*сила гражданского общества в постпереходный период зависит от уровня социально-экономического развития и потенциала устойчивой, возникающей раньше трансформаций социальной самоорганизации, исторической памяти о разнообразной и хорошо организованной независимой общественной сфере, культурных особенностей населения, а также структурной опоры для самостоятельной групповой активности в постпереходный период»*[14]. Данный тезис, особенно в части структурной опоры гражданских инициатив, не был опровергнут с течением времени. Более того, был подтвержден появлением института региональных общественных палат и советов.

Резюмируя, следует отметить, что в целом теоретико-методологический концепт гражданского общества, по Марсии А. Вейгл, целостно отражает трансформационный период развития некоммерческого сектора в советской и постсоветской России. Сквозь призму либерализма американской исследовательницей приведена оригинальная периодизация, достаточно четко отражающая фазы развития гражданского общества на стыке политических режимов. В то же время не лишен дискуссионности вопрос о периоде зарождающегося гражданского общества во время перестройки, а не несколькими десятилетиями ранее, а также абсолютизация либеральных ценностей применительно к российской специфике. В любом случае научно-практическая значимость работы *«Российский либеральный проект: государственно-общественные отношения в процессе перехода от коммунизма»* совершенно очевидна для отечественной политологической мысли и предполагает дальнейший ее анализ.

---

[1] Weigle Marcia A. Russia's liberal project: state-society relations in the Transition from Communism. The Pennsylvania State University, 2000. 508 p.

[2] Weigle Marcia A. Russia's liberal project: state-society relations in the Transition from Communism. The Pennsylvania State University, 2000. P. 27.

[3] Ibid.

[4] Ibid. P. 28.

[5] Ibid. P. 28.

[6] Ibid. P. 30.

[7] Дахин А.В. Система власти в России в 2000-х годах и модели политического управления регионами // Полис. 2009. № 2. С. 52.

[8] Weigle Marcia A. Russia's liberal project: state-society relations in the Transition from Communism. The Pennsylvania State University: 2000. P. 32.

[9] Величко С.А. Перестройка в СССР (1985–1991) в отечественной и зарубежной историографии // Известия Томского политехнического университета. 2005. № 1. С. 203.

[10] Волков В.В. Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro et Contra. М., 1997. С. 85.

[11] Там же. С. 88.

[12] Weigle Marcia A. Russia's liberal project: state-society relations in the Transition from Communism. The Pennsylvania State University, 2000. P. 29.

[13] Ibid. P. 34.

[14] Ibid. P. 35.